

175 лет со дня рождения Н. В. Гоголя

ВЕЛИКИЙ РЕАЛИСТ

ВОТ УЖЕ более полутора веков горит звезда российского писателя Гоголя, горит и не меркнет, вечная, как русское слово.

Мы преклоняемся перед Гоголем за созданные им бессмертные образы, за емкое его слово, ограниченное будто бриллиант чистой воды, а главное, за безграничную любовь к Отчизне — любовь поэта, не побоявшегося в мрачную ночь крепостнической России бросить вызов «сильным мира сего» со страниц своих великих творений. Гоголь и поныне учит — учит любви к добру и ненависти к злу. Гоголь смеется — он смеется над пороками человеческими. И еще Гоголь свято верит — верит в силу народную, богатырскую.

Я тоже боюсь «хрестоматийного глянца», но все же приведу известные слова Чернышевского о значении творчества Гоголя: «Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России». Влияние его произведений на современников и на последующие поколения измерить нечем, пожалуй.

Вспоминаю, как зачитывался я «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Какие богатые поэтические краски, тонкий юмор, изумительно написанные картины украинской природы! Великий Пушкин по достоинству оценил это творение: «Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами ка-

кая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился». Мы знаем, каким благотворным было для Гоголя его знакомство с Пушкиным, которое переросло вскоре в творческую дружбу. Не случись этого, может, не появился бы на свет бессмертный «Ревизор»; о «Ревизоре» я скажу позднее.

Лирический образ Украины, созданный Гоголем в «Вечерах», навечно вошел в нашу литературу. Пленительны пейзажи: пожалуй, самые современные средства фотографии не в силах передать все тонкости, подробности, тот эмоциональный настрой, который уловил Мастер в своих описаниях природы. Не случайно Белинский говорил, что Гоголь не пишет, а рисует, его фраза, как живая картина, поражает яркой верностью природе и действительности. Но главное в его творчестве все же то, что Гоголь передал характер народа, его юмор, мужество, душевную красоту, свободолюбие.

Не сосчитать, сколько раз перечитывал я героическую поэму «Тарас Бульба». Ее страницы обжигают особой, обостренной любовью к Родине. Помнишь слова Тараса: «Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей...»? Слова эти подтвердились в грозные годы Великой Отечественной войны, когда с такой силой проявился величайший патриотизм народа, когда на смертный бой с захватчиками встала

вся огромная страна Советская. Известно, что многие страницы «Мертвых душ» написаны в Риме. Представьте дом воспеваемого Пушкиным Зинаиды Волконской, знаменитый фонтан Бривии, лазурное небо, красоты Вечного города. А он, Гоголь, блуждал мыслью по дорогам России, воспаряя над чужой землей, и видел птицу-тройку, летящую в будущее! Вот как велика была любовь его к Родине, если не затмили образ ее ни голубые небеса, ни сокровища искусств Италии...

ДА, ОГРОМНЫМ гражданским мужеством надо обладать, чтобы создать произведение, заклеившее общественный строй, при котором возможны были «мертвые души» — порождение крепостничества. Потому и была встречена поэма злобными выпадами реакционеров. Потому и приветствовали ее как самое выдающееся событие литературной жизни, как удар в солнечное сплетение царизма передовые общественные круги.

А как восхищает нас, современных читателей, образный язык Гоголя! До него не было в нашей литературе столь пленительной поэзии в прозе. «Дивисься драгоценности нашего языка», писал Мастер, — что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценней самой вещи». Только вдумайтесь: слова драгоценнее самой вещи! Не случайно Гоголь замечал, что такой язык «сам по себе уже поэт».

Мастер учился у народа меткому, бойкому, красочному русскому слову. Но давалось это нелегко. Бесчисленными переработками текста, мучительным, изнуряющим трудом над каждой строкой он добивался «последней гармонической отделки», чтобы «выступила наружу глубина содержания».

Наверное, как всякий русский человек, я всегда ощущал, что всю свою жизнь я прожил рядом с Гоголем. Впрочем, у нас в стране, где его произведения переведены, кажется, на все языки, такое же чувство знакомо людям различных национальностей. Со временем я стал учиться у Мастера работать, не боясь повторов и усталости, искал единственно верную интонацию, добивался выразительности жеста. И всегда помнил его слова о том, что «никакая сила не может заставить меня произвести, а тем более выдать вещь, которой незрелость и слабость я уже вижу сам...».

ГОГОЛЬ был очень ранимым человеком, столь же ранимы и его произведения — к ним нужно относиться с глубоким уважением и деликатностью. Они не терпят ни спешки, ни добавлений, ни переделок. Я убежден, что все секреты драматургии Гоголя заключены в самом Гоголе, в его беспорочном режиссерском таланте, который сквозит между строк его произведений. Необходимо чутко прислушаться к его указаниям, довериться им. — актер непре-

менно окажется убедительным. Таков основной итог, к которому я пришел как актер и режиссер за многолетнее общение с Гоголем.

Пожалуй, за всю свою жизнь я не ощущал большей творческой радости, чем в работе над «Старосветскими помещиками», которых я готовил для художественного чтения. По-моему, эта небольшая повесть — подлинный гимн человеческой любви и верности. Старосветские помещики трогательны в своем чувстве друг к другу, но несчастны в ужасном мире, в котором живут. Уход из жизни одного из супругов нестерпим для другого... Повесть меня увлекла, водоводешила. И пугала. Справлюсь ли? Работал около года. Все это время, уединяясь в своей комнате, я жил думами и печалью героев, плакал их слезами. Так, страдая, все больше углублялся в это произведение, и еще ближе становился для меня великий Мастер. Но, поверьте, лишь спустя добрых два десятка лет пришел я к ощущению готовности вещи. Вот какой он сложный — Гоголь.

Одна из самых главных работ

всей моей жизни — труд над бессмертным «Ревизором» как актера и режиссера. «Ревизор» — вершина драматургии Гоголя как по грозной силе своего обличения, так и по гениальности художественного слова. Не случайно Немирович-Данченко заметил однажды, что воспринимает «Ревизора», как будто бы пьеса в «стихах написана».

Комедия Гоголя наносила разящий удар по бюрократическо-полицейскому режиму николаевской России, разоблачала гнилость крепостничества. Не случайно Герцен замечал, что никто никогда до Гоголя не читал «такого полного патолого-анатомического курса о русском чиновнике». С сохотом на устах сатирик без жалости проникает в самые сокровенные складки нечистой, злобной чиновничьей души. Именно потому создатель «Колокола» называл комедию Гоголя «Ревизор» и его поэму «Мертвые души» «ужасной исповедью современной России». Крепко же досталось царю Николаю I от «царя русского смеха» (так именовал Гоголя Луначарский)!

С «Ревизором» я прожил большую жизнь, играя с 1938 года на сцене Малого театра Хлестакова и с 1952 года — городничего. По опыту могу сказать, что Гоголь — драматург столь же трудный, сколь неисчерпаемый. Работа над гоголевским образом никогда не может считаться завершенной.

Хлестаков мне казался скольким ценком, действующим «без всякого соображения», а городничий в моем представлении — старая, матерая крыса, умудренная годами и превращениями судьбы и от этого еще более хищная, еще более бес-

пощадная к слабым мира сего. Играя городничего, я добивался, чтобы зритель поверил: мой городничий действительно «трех губернаторов обманул!.. Что губернаторов!.. нечего и говорить про губернаторов». Для меня Сквозник-Дмухановский — из тех столпов, на которых держался полицейский режим николаевской эпохи. Он защищает не только себя со всеми злоупотреблениями и взятками — он как бы защищает честь мундира, честь чиновничьей корпорации, защищает тот строй, который позволяет ему грабить безнаказанно. Поэтому он так активен, так всецело поглощен поставленной перед самим собой целью — полоче обойти петербургского гостя, чтоб и порядки во вверенном ему городе остались прежними и чтобы можно было бы даже извлечь из этого дела известную пользу. Городничего нельзя вырвать из логики его времени, он непонятен вне исторического этапа.

Времена героев «Ревизора» — времена невежественные и патриархальные, когда уездной дикости еще не коснулась рука «цивилизованного» варварства. Отсюда — две крысы, которые так предательски «понюхали» и пошли прочь, и унтер-офицерша, что «сама себя высекала», и методы личной расправы с купцами и квартальными, и при каждом удобном случае весьма незамысловатое плутовство.

И все же главный, на мой взгляд, герой «Ревизора», равно как и других произведений Гоголя, — это смех. Он кажется добродушным, но он никого не щадит. Ирония помогла писателю говорить то, что в его время говорить было невозможно. Читая фразу Гоголя, надо видеть скрытый смысл.

ВСЕГО сорок три года — такой короткий век был отпущен Мастеру. Безжалостное николаевское время не пощадило его, как и его великих современников Пушкина и Лермонтова. Но всю жизнь без остатка отдал он служению народу. И сегодня нам никак нельзя не вспомнить стихов Некрасова о Гоголе «Блажен незлобивый поэт». В них передан облик писателя-гражданина, обличителя крепостнического общества:

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой.

...Гоголь сжег рукопись «Мертвых душ». Но вспомним булгаковские слова: рукописи не горят...

Знаете ли вы, что произведения Гоголя только в советское время изданы в нашей стране тиражом около ста миллионов экземпляров? В нынешнем юбилейном гоголевском году выйдут в свет очередные тома собрания его сочинений, избранные сочинения, отдельные произведения тиражом свыше одиннадцати миллионов экземпляров. Такова лишь внешняя, так сказать, видимая сторона его огромной популярности в многонациональном нашем советском народе. Если собрать все из Гоголя, что издано на разных континентах, то и тогда это будет лишь верхняя часть грандиозного айсберга. Ибо мир Гоголя, его влияние на мышление человечество неизмеримы. Сбылись в наше время слова Мастера: «Знаю, что имя мое после меня будет счастливее меня».

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического
Труда.